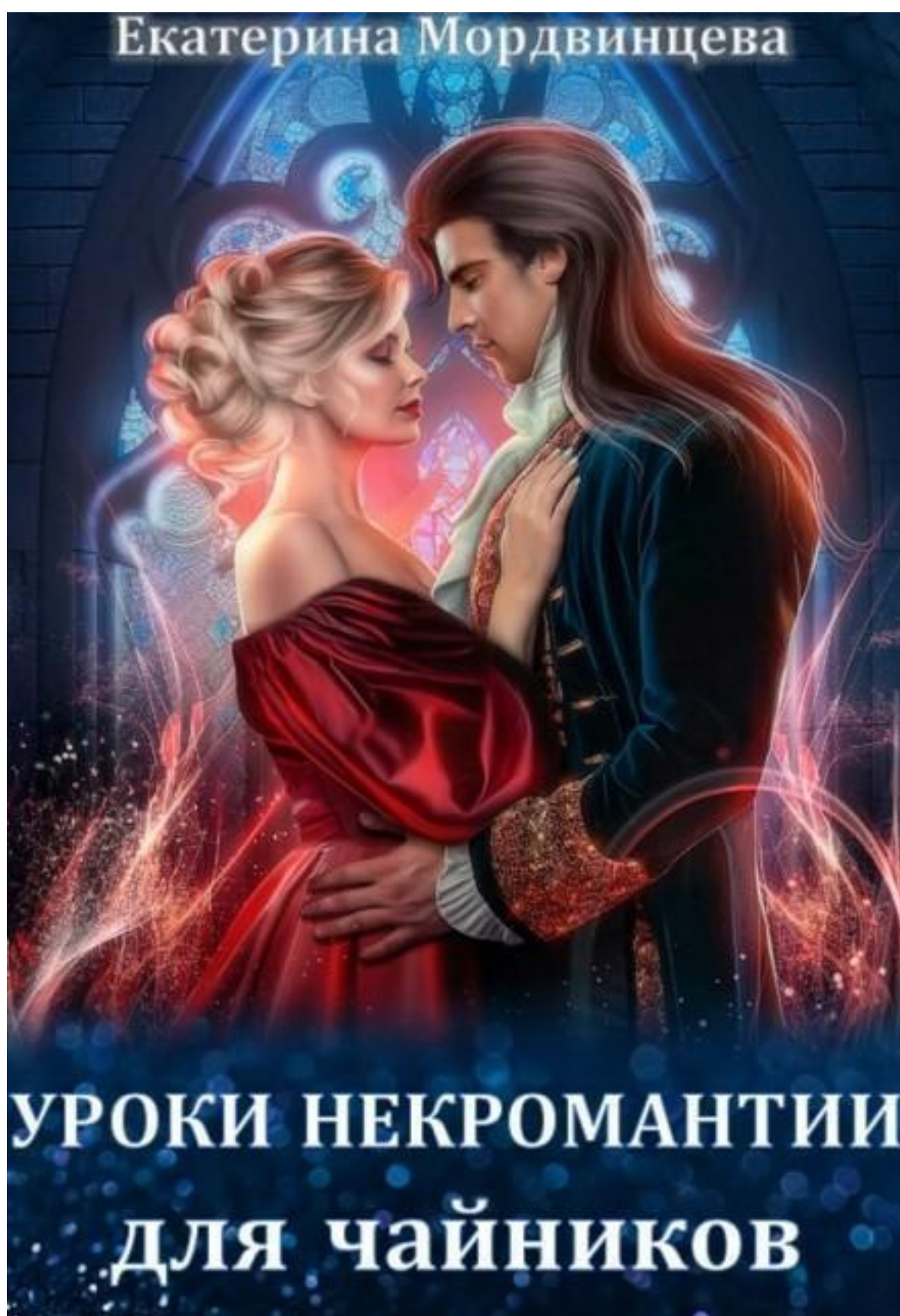

Екатерина Мордвинцева

УРОКИ НЕКРОМАНТИИ для чайников

Екатерина Мордвинцева

Уроки некромантии для чайников

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Уроки некромантии для чайников / Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Говорят, в Чернолесье живёт некромант, и в его доме обитают призраки. Лира Торнли находит там нечто иное: призраки-кухарки, скелеты, коллекционирующие пуговицы, и одинокого стража, чья магия — холодный лёд, сдерживающий Пустоту. Её собственная, тёплая и живая магия растений становится для него одновременно угрозой и искушением. Чтобы выжить, им предстоит пройти путь от страха к перемирию, а от перемирия — к союзу, который изменит саму природу этого проклятого места. Это история о том, как в сердце тьмы можно вырастить свет, а изо льда и корней сплести новую, прочную ткань бытия.

© Мордвинцева Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Воздух в низких комнатах скромного дома на самой окраине Арвендейла был густым и многослойным. Верхние, самые заметные ноты — острый запах ладана, тщетно пытавшегося замаскировать более глубокие ароматы. Под ним проступал сладковатый, тяжёлый запах увядания — стояла ваза с полевыми цветами, собранными отцом за пять дней до того, теперь поникшими и ронявшими лепестки на полированный дуб столика. И самый фундаментальный, базовый слой — запах земли, корней, засушенных трав и старой бумаги. Этот запах жил в стенах, пропитал деревянные полки, вьелся в одежду. Запах жизни Элиаса Торнли, ботаника, естествоиспытателя и мечтателя. Теперь эта жизнь, выдохнувшись, оставила после себя лишь холодное, неподвижное тело на узкой кровати у окна, да этот стойкий, неистребимый аромат его страсти.

Лира не отрывала взгляда от профиля отца, резко очерченного на фоне серого полотна неба за свинцовыми стеклами. Его лицо, обычно оживлённое искрой любопытства или мягкой улыбкой, казалось высеченным из бледного воска. Рядом, на табурете, стоял глиняный горшок с ночной фиалкой — последним его «пациентом». Он выходил её, вернул к цветению, когда все, включая продавца, считали растение потерянным. «Смотри, дочка, — говорил он, показывая на появившийся робкий бутон, — она просто боялась. Всё живое иногда боится. Нужно лишь понять, чего именно, и дать ему этого чуть-чуть меньше, а чего-то другого — чуть-чуть больше».

Теперь он сам стал тем, кто больше ничего не боялся и ничего не хотел. Лира, стоя на коленях на грубом половике, сжимала его руку. Руку, которая могла с хирургической точностью привить почку к дичку и с бесконечной нежностью поправить прядь волос на её лбу. Теперь она была холодной, тяжелой, чужой. Чувство утраты было таким физическим, таким плотным, что его можно было потрогать. Оно сдавливало горло, лежало свинцовой плитой на груди. Слез не было. Они, казалось, испарились ещё в ту долгую ночь бдения, когда его дыхание превратилось в хриплый, прерывистый звук, а потом и вовсе смолкло. Осталась только эта пустынная, выжженная тишина внутри, где ещё эхом отзывались его последние, вымученные шёпоты.

«Не дай саду засохнуть... в тени...» Он говорил обрывками, его сознание уже путешествовало где-то среди корней и мицелия. «Семена... семена прорастают даже под снегом. Ищи... ищи свет не над, а внутри почвы. Он всегда там...»

Он всегда изъяснялся подобными метафорами, её отец. Для него весь мир был единым, живым организмом, гигантским растением, где города — это грибницы, реки — соки, а люди — может быть, мимолётные цветы или упрямые сорняки. Он учил её читать не книги по этикету, а «книгу коры» на деревьях, «книгу облаков» в небе и самую важную — «книгу земли» под ногами. Эта наука казалась бесценной. До сегодняшнего дня.

Хруст шагов на каменных плитах прихожей заставил её вздрогнуть. Шаги были чёткими, отмеренными, лишёнными той лёгкой неуклюжести, с которой всегда ступал отец, погружённый в свои мысли. В дверном проёме, заполнив его собой, как холодной тучей, возникла Илдиса.

Её чёрное платье было не просто траурным; оно было доспехом, выкованным из бархата и неприязни. Ткань не шуршала, а скрипела, словно ледяная корка. Лицо, когда-то может быть и привлекательное, теперь было застывшей маской с тонкими, плотно сжатыми губами и глазами цвета зимней сланцевой скалы. В её руке она сжимала не носовой платок, а пачку счетов, подвязанных грубой бечёвкой.

— Довольно, — её голос ударил по тишине, как удар хлыста. — Плакальщицы получили свои монеты и ушли. Священник сказал, что завтра, после полудня. Не раньше. У него есть дела поважнее, чем провожать в последний путь какого-то травника.

Лира медленно подняла голову. Голос звучал чужим, когда она ответила:

— Он не «какой-то травник». Он был...

— Был должником, — Илдиса перебила её, переступая порог. Её взгляд скользнул по телу мужа без тени печали, а затем принялся методично сканировать комнату, оценивая, инвентаризируя. — Должником лавочнику, банку, даже этому самодовольному аптекарю Томасу. Его воздушные замки, его «открытия»... — она презрительно щёлкнула ногтем по корешку фолианта на полке, — ...кормили только голубей на площади. А нас с тобой нет.

— Его труд спас урожай в прошлом году! — вырвалось у Лиры, и в её голосе впервые зазвучали искры былого огня. — Когда ржавчина пожирала посевы, это он нашёл ту смесь из хвоща и папоротника...

— За которую городской совет заплатил ему признательностью и обедом в ратуше, — с ледяной яростью закончила Илдиса. — А не звонкой монетой. Признательность не оплатит ипотеку. И не накормит нас этой зимой.

Мачеха подошла к каминной полке, где среди засушенных шишек и причудливых камней стояла пара серебряных подсвечников — последнее, что осталось от приданого матери Лиры. Без тени колебания Илдиса сгребла их в сумку из грубой ткани, висевшую у неё на поясе. Звяканье металла о металл прозвучало невероятно громко и кощунственно.

— Ты не можешь... это память о моей матери...

— Твоя мать покоится с миром, ей это не нужно, — отрезала Илдиса. — А нам нужны деньги. Дом заложен. Если в течение месяца мы не найдём средства, нас вышвырнут на улицу. Или, вернее, меня вышвырнут. Тебя, — её взгляд упал на Лиру, холодный и расчётливый, — здесь не будет.

Угроза повисла в воздухе, густая и осязаемая. Лира почувствовала, как холодок страха пополз по спине, но она вцепилась в руку отца, как в якорь.

— Я найду работу. Я всё умею. Я могу переписывать книги, помогать в оранжерее, собирать образцы...

— Кому ты нужна? — Илдиса рассмеялась, и это был короткий, сухой, безрадостный звук. — Томас закрыл свою лавочку три дня назад. Его арестовали за долги. Весь город сжимается, как шагреновая кожа. Мест нет. Особенно для девушки с руками, вечно испачканными в земле, и головой, набитой ненужными сказками о говорящих деревьях.

Лира опустила глаза. В её кармане действительно лежал не носовой платок, а смятый лист с зарисовкой необычного лишайника. Она чувствовала под ногтями едва смытую землю. Она была его дочерью до мозга костей, и в глазах этого мира это было клеймом.

Мачеха между тем подошла к дубовому сундуку у стены — массивному, потемневшему от времени ларцу, обитому железными полосами. В нём Элиас хранил самое ценное: не серебро, не деньги, а свои дневники. Десятки толстых томов, исписанных убористым почерком, украшенных изящными акварельными зарисовками цветов, грибов, схем корневых систем. Это была летопись его жизни, его душа, отлитая в чернилах и бумаге.

— А это, — Илдиса попыталась приподнять крышку, но массивный сундук не поддался, — должно покрыть хотя бы часть долга. Старая кожа, пергамент... может, переплётчику или алхимику.

— НЕТ! — Крик вырвался из самой груди Лиры. Она вскочила, забыв о приличиях, о холодном теле отца, обо всём. Слезами, наконец, залились глаза, но это были слёзы не скорби, а яростного отчаяния. — Это нельзя! Это его! Его мысли, его открытия! Ты не смеешь!

Илдиса обернулась. В её глазах не было гнева. Был холодный, безжалостный расчёт.

— Смею. Я — его законная вдова. Всё его имущество теперь моё. В том числе и этот хлам. А ты... ты — обуза, которую он мне оставил в придачу.

Она снова потянула за крышку. Замок — маленький, но прочный висячий замочек в виде стилизованного желудя — щёлкнул, но не поддался. Ключ. Ключ от этого замка всегда носил на шее отец. Но в день, когда он слег, он снял цепочку и вложил ключ в её руку. «Для тебя... береги...» Теперь тот ключ, тёплый от её тела, лежал на той же цепочке у неё под платьем.

Илдиса с силой дёрнула крышку. Дуб скрипел, железо напряглось, но сундук оставался непокорным. Женщина отступила на шаг, её грудь высоко вздымалась под чёрным бархатом. В её взгляде на неподатливый ларец промелькнула чистая, неприкрытая ненависть. Это была ненависть к символу мира, который ей никогда не принадлежал и который она никогда не понимала. Потом её глаза медленно, как хищница, поднялись на Лиру. Они обе знали. Ключ у неё.

Минута напряжённого молчания растянулась, наполненная тиканьем настенных часов в соседней комнате. Наконец, выражение лица Илдисы изменилось. Губы растянулись в нечто, отдалённо напоминающее улыбку, но до глаз оно не дошло.

— Хорошо, — сказала она неожиданно мягко, почти обволакивающе. — Напрасные споры. Всё решено. Одевайся. Нам нужно спуститься в город, пока не стемнело, и договориться о месте. Настоящем месте, не в канаве для нищих. Я... я позабочусь об этом.

Лира, ошеломлённая этой внезапной переменой, лишь кивнула. Сердце бешено колотилось, предчувствие сжимало его ледяной рукой. Она мешком поплыла в свою каморку под самой крышей, на ходу накидывая поношенный серый плащ из грубой шерсти. Её пальцы дрожали, застёгивая пряжку.

«Настоящее место...» Это прозвучало так нехарактерно для Илдисы. Так... по-человечески. Может быть, она ошибалась? Может быть, горе и страх говорили через неё? Слабая, глупая надежда затеплилась в груди Леры.

Когда она вышла в коридор, мачехи уже не было. Дверь в комнату отца была прикрыта. Лира заколебалась, потом, поддавшись порыву, тихо толкнула её. Отец лежал в лучах бледного закатного света, и на мгновение ей показалось, что он просто спит. Но холод и тишина говорили об обратном.

Её взгляд упал на сундук. Сердце ёкнуло. Сейчас или никогда. Она бросилась к нему, судорожно вытащила из-под платья цепочку с ключом. Тот мелодично звякнул. Дрожащими пальцами она вставила его в замочек-желудь. Щелчок был громким, как выстрел в тишине дома.

Крышка тяжело поддалась. Внутри пахло временем, мудростью и любовью: сушёная мята и лаванда, которыми были переложены страницы; сладковатый запах старинной кожи; едва уловимый аромат чернил. Там лежали аккуратные стопки тетрадей, папки с гербариями, свёртки с семенами, аккуратно подписанные на кусочках пергамента.

У неё не было времени на сантименты. Она схватила самый верхний том — потрёпанный кожаный дневник с вытесненными золотом инициалами «Э.Т.» и датой текущего года. Он был толстым, тяжёлым, полным свежих записей. Потом её пальцы нащупали в специальном отделении у стенки несколько маленьких холщовых мешочков. Не глядя, она вытряхнула их содержимое в глубокий карман своего платья. Семена — гладкие, шершавые, колючие, крошечные и крупные — насыпались туда мягким шелестящим комком. Она увидела на дне свёрток, аккуратно перевязанный бечёвкой, — коллекцию редких луковиц, которые отец привёз из последней экспедиции. Не раздумывая, она сунула и его за пазуху, рядом с дневником.

Больше она ничего взять не могла. Голос Илдисы, резкий и нетерпеливый, донёсся снизу: — Лира! Солнце клонится! Или ты хочешь, чтобы его похоронили в темноте?

Сердце Леры упало. Похороны. Она должна быть там. Она обязана быть там. Со смесью стыда и отчаяния она захлопнула крышку сундука. Замок щёлкнул. Она судорожно спрятала

цепочку обратно, поправила платье, чувствуя, как твёрдый угол дневника упирается ей в ребра, а луковицы и семена беззвучно шуршат при каждом движении.

Внизу, в прихожей, Илдиса уже ждала, закутанная в чёрный, отороченный мехом плащ. Она молча кивнула на дверь.

Они вышли. Вечерний воздух был холодным и влажным, пахло дымом и грядущим дождём. Лира, покорно следуя за чёрной фигурой мачехи, уже обдумывала, у кого из немногочисленных друзей отца можно будет попросить помощи после завтрашнего дня. Может быть, старый переплётчик Гаррет? Или жена аптекаря Томаса, добрая миссис Элси?

Они прошли не более двадцати шагов от порога, как Илдиса внезапно остановилась на пустынной, немощёной улочке. Она медленно обернулась. В последних лучах солнца её лицо казалось вырезанным из тёмного камня.

— Вот, — её голос был безжизненным и плоским, как поверхность мёртвого озера. — Здесь наши пути расходятся. Твоя дорога — туда. — Она махнула рукой в сторону, где вдали виднелись городские ворота Арвендейла. — А моя — назад, в мой дом.

Лира застыла, не понимая.

— Что?.. Но... похороны... мы же идём договариваться...

— Я договорюсь, — поправила её Илдиса. — Как сочту нужным. А что касается дома... — она сделала паузу, наслаждаясь эффектом, — ...то он теперь мой. Единолично. Документы я уже подготовила. Твой отец был сентиментален и беспечен. Все бумаги были на него одного. А я — его законная супруга. Наследница. Тебе в нём больше нет места, Лира. Ты — не моя кровь. Ты — обуза, которую он мне навязал. И я сбрасываю эту ношу.

Мир вокруг Лир поплыл. Здания наклонились, звуки отдалились. Она слышала только ровный, холодный голос, доносящийся как будто из-под толщи льда.

— Но... это наш дом... мой дом с детства... вещи отца...

— Вещи будут проданы, чтобы покрыть мои долги, — сказала Илдиса. — А дом, возможно, тоже. Мне он не нужен. Слишком много... воспоминаний. — Это слово она выговорила с таким отвращением, будто это была назойливая мошкарка. — Прощай. Не возвращайся. Сторож у ворот предупреждён.

И, не удостоив её больше ни взглядом, ни словом, Илдиса развернулась и зашагала обратно к дому, который всего минуту назад был ещё и домом Лир. Девушка стояла, парализованная, наблюдая, как чёрная фигура скрывается в дверном проёме. Она услышала, как щёлкнул засов — новый, массивный, который Илдиса приказала вставить на прошлой неделе, сославшись на участвовавшие кражи в округе. Теперь Лира поняла истинную причину.

Дверь закрылась. Оконные ставни в её бывшей комнатке под крышей тоже были плотно притворены.

Она осталась одна. На пустынной улице. На холодном ветру. С мёртвым отцом в доме, куда ей был закрыт путь. С непроведёнными похоронами. Без гроша в кармане.

Онемение медленно отступало, сменяясь волной такого всепоглощающего горя, страха и ярости, что у неё перехватило дыхание. Она схватилась за грудь, где под тканью упирался твёрдый угол дневника. Дневник. Семена. Луковицы.

Её пальцы сжали грубую шерсть плаща. Она сделала шаг. Потом другой. Не к городским воротам. Она пошла обратно, к дому. Не к двери. К единственному открытому окну — окну комнаты отца. Сквозь мутное стекло в наступающих сумерках она едва могла разглядеть очертания кровати.

Она опустила на колени на холодную, влажную землю. Не для молитвы. Для прощания.

— Прости, папа, — прошептала она, и слёзы, наконец, хлынули горячими ручьями, оставляя ледяные дорожки на щеках. — Прости, что я не могу... что я не там. Я сохраню твой сад. Обещаю. Я найду почву. Я найду свет внутри неё.

Она просидела так, не знаю сколько, пока небо не потемнело окончательно и в окнах соседних домов не зажглись жёлтые, уютные, чужие огни. Потом, с усилием, будто поднимая неподъёмный груз, она поднялась. Ноги были ватными, но они несли её. Прочь от этого места. В город. К Главной площади. К знаменитому Кровавому Столбу, древнему, испещрённому трещинами и ржавыми подтёками обелиску, куда приколачивали объявления о найме, продаже, потере и находке.

Она шла, ощущая каждый камешек под тонкой подошвой башмака. В кармане семена тихо шуршали при каждом шаге, как тайный, полный надежды шёпот. А у сердца, тяжёлый и тёплый, лежал дневник — карта мира, которого больше не существовало, и, возможно, ключ к тому, который ей только предстояло найти.

Эпиграф из дневника Элиаса Торнли, запись от 17-го числа месяца Падающего Листа:

«Образец № 341: Лунолилия (Лунная тень), «Призрачный Селенар». Найден в тени руин старой часовни, где последний раз отпевали усопших три поколения назад. Не растёт на освещённых местах, чахнет от навоза и обычного полива. Кажется, питается не водой и минералами, но самой памятью, эхом утраты, впечатанным в почву. Тень для неё — не отсутствие света, а иная его форма. Её бледно-серебристые лепестки испускают слабый фосфоресцирующий свет, видимый лишь в полной темноте и, как утверждают старые тексты, лишь тому, чьё собственное сердце знакомо с тенью. Корень уходит не вглубь, а стелется горизонтально, ища не влагу, а «узлы тишины» — места, где боль утраты превратилась в покой. Теоретизирую: возможно, растение является биологическим проводником или даже хранителем некоего тонкого эфира, связанного с переходом между состояниями. Если это так, то оно может быть не просто цветком, но компасом, указывающим путь в тех местах, где все обычные дороги теряются. Посадил три клубня в затенённом углу оранжереи, удобрив грунт измельчённым опавшим листом ивы и горстью пепла от сожжённых писем. Буду наблюдать.

P.S. Лира сегодня спросила, почему некоторые цветы пахнут печалью. Ответил, что, возможно, они впитывают эмоции места. Она кивнула, как будто это было самым естественным объяснением в мире. Иногда мне кажется, она понимает этот язык лучше меня».

Глава 2

Город Арвендейл, который Лира знала как место тихих улочек, запаха свежее испечённого хлеба и уютных витрин с гербариями, преобразился. Днём, под холодным весенним солнцем, он сбросил с себя покров спячки и предстал хищным, шумящим зверем. Главная площадь, вымощенная булыжником, отполированным тысячами подошв, гудела, как гигантский улей. Крики торговцев, мычание скота, грохот телег, споры, смех, ругань — всё это слилось в один оглушительный, непрерывный рёв, бивший в уши и давивший на виски.

Лира стояла на краю этого людского моря, прижавшись спиной к грубой штукатурке стены таверны «Пьяный дуб». Она чувствовала себя крошечным, потерянным семенем, занесённым ураганом на каменную почву, где не было ни трещинки, чтобы пустить корень. Запах, знакомый и родной — земли, трав, старой бумаги — был поглощён агрессивными волнами: кисловатым запахом пота, сладковатой вонью гниющих отходов в сточной канаве, дымом жаровен с жареными колбасками, резким ароматом дешёвого парфюма и скота.

Она провела здесь почти всю ночь, дрожа от холода в арочном проёме заброшенной часовни, прислушиваясь к шорохам крыс и далёким пьяным песням. У неё не было ни монеты, чтобы заплатить за ночлег, ни смелости просить милостыню. Её единственным утешением был твёрдый угол дневника у сердца и тихое шуршание семян в кармане — звук, похожий на шепот: «Живи. Живи. Живи».

С первыми лучами солнца она заставила себя двигаться. Её цель была ясна — Кровавый Столб. Легенды гласили, что когда-то, века назад, к нему привязывали предателей и бунтовщиков для казни, и камень впитал в себя их последние вздохи, отчего и получил своё мрачное название. Теперь же это был безмолвный свидетель другой, повседневной жестокости — здесь выставляли на всеобщее обозрение бедность, отчаяние и потребность.

Лира пробиравлась сквозь толпу, стараясь быть незаметной. Её серый плащ сливался с общей массой, но внутренне она чувствовала себя обнажённой. Каждый взгляд, брошенный в её сторону, казался оценивающим, осуждающим. Она слышала обрывки разговоров:

«...и сказал, что если не верну долг к полнолунию, заберёт мельницу...»

«...требуются крепкие руки на кирпичный завод, но жильё не предоставляется...»

«...никому не нужны эти твои кружева, Марта, все теперь носят фабричное...»

Она подходила к группам людей, собравшимся у контор найма, пыталась вставить слово, показать, что она грамотна, что умеет считать и вести записи. Ответы были одинаковыми: грубыми, нетерпеливыми, унижительными.

— Эй, девчонка, проходи, не загораживай свет! Писарям подавай мужчин, с головой на плечах!

— В горничные? Ха! С такими красными глазами и в грязи? Барыни тебя на порог не пустят.

— Работы для женщин нет. Разве что... — и тут следовал оценивающий, скользкий взгляд и предложение, от которого у Леры холодела кровь.

Она отшатывалась, растворяясь в толпе, чувствуя, как горечь поднимается к горлу. Её знания о микоризе, о фазах луны для посадки, о свойствах коры ивы — всё это было бесполезно здесь, в мире, который нуждался только в грубой силе, покорности или определённом виде красоты.

Желудок сводило от голода. Утром она пыталась пить воду из общественного колодца, но даже её вкус казался чужим, металлическим. У лотка с яблоками она замедлила шаг, и продавец, поймав её голодный взгляд, брезгливо отмахнулся:

— Прочь, нищенка! Вон, видишь, стражник стоит!

Ли́ра отпрянула, сердце бешено колотясь. Она сжала кулаки в карманах, ощущая под пальцами гладкие, твёрдые грани семян. Она думала о том, чтобы попробовать продать их. Но кто купит горсть неизвестных семян у грязной, испуганной девчонки? Их ценность знал только её отец. И теперь — она.

К полудню отчаяние начало превращаться в оцепенение. Ноги гудели от усталости, в голове стоял туман. Она почти механически обошла весь периметр площади, читая объявления, приколотые к более приличным доскам у гильдий: «Требуется подмастерье кузнеца», «Нужен погонщик мулов в караван», «В службу графского двора требуются выносливые лакеи». Ничего для неё.

И тогда её ноги сами понесли её к Кровавому Столбу. Он стоял в самом центре площади, тёмный, почти чёрный монолит из грубо отёсанного камня, испещрённый глубокими трещинами и выбоинами. Вокруг него всегда была особенная атмосфера — люда здесь толпилось меньше, словно невидимая аура холода и тяжести исходила от камня. К нему приколачивали или припиливали самые отчаянные просьбы, самые тёмные предложения.

Здесь висели клочки пергамента, исписанные неровными, иногда неграмотными буквами: «Пропала девочка, рыжие волосы, на шее родинка», «Продам шкуру волколюда, подлинность клятвенно заверяю», «Ищу проводника в Топи Скорби, оплата по возвращении», «Сниму комнату без вопросов».

Ли́ра медленно, с тяжёлым сердцем, начала водить взглядом по этим крикам о помощи, застывшим в чернилах. Каждая записка была чьей-то личной катастрофой. Она чувствовала себя браконьером, читающим чужие тайны.

И вдруг её взгляд зацепился.

Не за текст. Сначала — за предмет, которым листок был приколот.

Это был кинжал.

Не красивый, не церемониальный. Старый, с коротким широким клинком, покрытым густой, хлопьевидной ржавчиной, будто его вытащили из болота или выкопали из могилы. Ручка из тёмного, потрескавшегося рога была стёрта от времени. Он был воткнут в деревянную раму объявления с такой силой, что кончик на два пальца ушёл в древний дуб. Он не просто придерживал бумагу — он пронзал её, как пронзают приговор.

Сама бумага выделялась среди серых, потрёпанных клочков. Она была цвета старого слоновой кости, плотной, пергаментной, с неровными краями, будто оторванными от большого листа. Надпись была сделана не чернилами, а чем-то бурым, почти коричневым, и буквы ложились на поверхность с резкой, угловатой элегантностью, словно выведенные не пером, а остриём.

«Требуется экономка для поместья Чернолесье.

Обязанности: поддержание порядка в жилых покоях, приготовление простой пищи, игнорирование посторонних шумов.

Требования: безупречная тишина, отсутствие брезгливости, невосприимчивость к суевериям. Способность долго находиться в уединении.

Проживание предоставляется. Вознаграждение обсуждается по итогам испытательного срока.

Обращаться лично. После заката не беспокоить.»

Ни подписи. Ни имени. Только адрес — «Поместье Чернолесье». Ли́ра знала, вернее, слышала, об этом месте. Это было не просто «за городом». Это было за Хмурым Лесом, на самой границе обитаемых земель, там, где дороги превращались в тропинки, а тропинки — в слухи. Дети пугали друг друга историями о Чернолесье, где, по слухам, в полночь разговаривают деревья, а в окнах старого дома мелькают огни, которым не положено гореть. Мужчины в тавернах, понизив голос, говорили, что там живёт тот, кто «имеет дело с вещами, о которых лучше не думать». Даже её отец, обычно скептический ко всяким басням, однажды обронил,

исследуя редкий чёрный мох: «Этот вид встречается лишь в двух местах: в пещерах Глубинного хребта и... в тени Чернолесья. Странная, старая магия там. Не добрая и не злая. Другая».

И вот это место искало экономку. С условием «отсутствия брезгливости» и «игнорирования посторонних шумов». Лира почувствовала, как холодок пробежал по спине. Это было не просто странно. Это было зловеще.

Она оглянулась. Толпа шумела вокруг, никто не обращал внимания на этот конкретный листок. Некоторые бросали на Столб быстрый, суеверный взгляд и спешили прочь. Объявление висело здесь, должно быть, не один день. И его никто не сорвал.

«После заката не беспокоить». Значит, обращаться нужно днём. Но «личное обращение» означало путь в Чернолесье. Одинокой девушкой. Без оружия. Без защиты.

Разум, истощённый голодом и страхом, кричал ей: «Беги! Это ловушка! Это смерть!» Она вспоминала все страшные сказки, все предостерегающие взгляды взрослых, когда в разговоре звучало «Чернолесье».

Но её пальцы снова нащупали семена в кармане. И твёрдый переплёт дневника у груди. Вспомнились слова отца: «Ищи свет внутри почвы». Самая плодородная почва часто была самой тёмной, самой богатой перегноем из разложившихся листьев и... и иного.

Что ждёт её здесь, в городе? Голодная смерть в переулке? Или медленная гибель в качестве прислуги у какого-нибудь грубого ремесленника, который будет видеть в ней лишь удобный объект для издевательств? Её уже выгнали из дома. Её уже лишили прошлого. Что ещё можно у неё отнять?

А там... там есть место. Крыша над головой. Работа. И требование «отсутствия брезгливости». Что, если под этим подразумевается что-то просто... неприятное? Грязь, хаос, может, странные коллекции? Её отец тоже мог показаться странным со своими банками, гербариями и образцами почвы. Люди шептались и о нём, пока он не спас их урожай.

Отчаяние — странный советчик. Оно не притупляет страх, но ставит его на одну чашу весов с чем-то более тяжёлым: с полной, окончательной потерей надежды. И надежда, даже призрачная, даже ведущая в тёмный лес, перевешивала.

Лира глубоко вдохнула, вбирая в себя запах площади — запах жизни, грубой, грязной, но жизни. Потом она выдохнула и сделала шаг вперёд. Не к безопасности. К Столбу.

Она медленно, почти благоговейно, протянула руку. Не к кинжалу — трогать его ей не хотелось. Она взялась за нижний угол пергамента, не проколотый лезвием. Бумага была на удивление прочной, холодной на ощупь. Она потянула на себя.

Ржавый кинжал с противным скрежетом вышел из дуба. Лист оказался в её руках. Клинок, освободившись, с глухим стуком упал на булыжники к её ногам, подняв маленькое облачко пыли. Никто не обратил на это внимания.

Лира стояла, держа в руках свою судьбу,вшитую в строки бурого цвета. Она посмотрела на слова «Поместье Чернолесье». Потом подняла глаза и посмотрела сквозь толпу, на восточную окраину площади, откуда начиналась дорога, ведущая из города, через поля, к тёмной, зубчатой линии Хмурого Леса на горизонте.

«Игнорирование посторонних шумов», — прочла она ещё раз про себя.

Она наклонилась, подняла ржавый кинжал. Он был тяжёлым, неудобным. Она сунула его за пояс, под плащ. Не как оружие. Как... пропуск. Или как ключ.

Затем, крепче сжав в руке пергамент, она двинулась. Не назад, в лабиринт знакомых улочек. Вперёд — на восточную дорогу. Навстречу лесу. Навстречу темноте, которая, возможно, скрывала не только опасности, но и ту самую странную, иную почву, где могло прорасти что-то новое.

Она уходила из города, не оборачиваясь, и ветер, дувший со стороны леса, трепал её волосы, принося с собой запах хвои, влажной земли и чего-то ещё — чего-то древнего, неподвижного и безмолвно ждущего.

Выписка из дневника Элиаса Торнли, найденная Лирой позже, на странице, помеченной знаком вопроса:

«...опрос местных старожилов о флоре Чернолесья дал крайне скудные результаты. Не из-за незнания, а из-за страха. Упоминалось лишь одно растение с уверенностью — «Страж-трава» (местн.), растущая будто бы только у самого порога тамошнего поместья. Описывают как тёмно-серый, почти чёрный мох, образующий идеальные круги вокруг определенных мест. Старая Марта из деревни У Леса, перекрестилась, сказала: «Она растёт там, где почва помнит клятву. Или проклятие. Одно держит, другое не пускает». Суеверие, конечно. Но любопытная параллель с теорией микоризных сетей, передающих информацию между деревьями. Что, если некоторые места действительно «помнят»? И что, если определённые растения являются физическим проявлением этой памяти — её стражами или маркерами? Чернолесье... место-ключ. К чему? Записать в список для гипотетического исследования, если представится возможность. Шансов, конечно, нет».

Лира шла, не подозревая, что в её руке зажата не просто работа, а тот самый «шанс», которого так и не дождался её отец.

Глава 3

Восточная дорога из Арвендейла начиналась вполне невинно: широкая, укатанная сотнями колёс, обрамлённая аккуратными изгородами и покосившимися верстовыми столбами. Она вела к процветающим фермам, лугам и деревеньке У Леса — последнему оплоту привычного мира. Лира шла быстро, почти бежала, подгоняемая страхом перед собственным решением и холодным ветром, который теперь дул ей прямо в лицо, неся с собой обещание далёкой, сырой темноты.

Последние домишки деревни У Леса выглядели покинутыми, хотя дымок из труб свидетельствовал об обратном. Занавески на окнах шевелились, когда она проходила мимо, чувствуя на себе незримые, настороженные взгляды. Никто не вышел её окликнуть, не предложил воды или направления. Словно сама дорога, по которой она шла, была знаком, от которого отводили глаза.

И вот, после последнего пустынного поля, усеянного валунами, поросшими лишайником цвета ржавчины, дорога уперлась в Лес.

Хмурый Лес. Название звучало в устах горожан как предостережение, но, стоя перед ним, Лира поняла, что оно было не просто метафорой. Деревья здесь — преимущественно древние, корявые ели и пихты — стояли плотной, почти непроницаемой стеной. Их кроны, густые и тёмные, сплетались в сплошной полог, который поглощал дневной свет, превращая его в зелёноватый, подводный сумрак у земли. Воздух изменился мгновенно: стал гуще, холоднее, наполнился запахом влажной гниющей хвои, грибов и чего-то ещё — острого, почти металлического, как перед грозой, которой не бывает.

Дорога, прежде такая уверенная, здесь скукожилась до узкой тропы, выющейся между исполинскими, замшелыми корнями. Камни под ногами были скользкими от мха. Тишина была первой и самой обманчивой вещью, которую заметила Лира. Это была не мирная тишина поля или спящего города. Это была подавленная тишина. Глухая, как будто лес намеренно затаил дыхание, приглушил все свои внутренние звуки. Не было птичьего щебета, не было стрекотания насекомых. Только шорох её собственных шагов по хвое и отдалённый, едва уловимый стон ветра где-то очень высоко, в недоступных вершинах.

Страх, холодный и липкий, снова пополз по её спине. Она остановилась, сжав в руке пожелтевший пергамент, словно он мог служить амулетом. Выбора не было. Повернуть назад означало вернуться к голоду, унижению и, в конечном счёте, к той же гибели, только более медленной. Она сделала шаг в зелёный полумрак.

Тропа вела её всё глубже. Сумрак сгущался, и вскоре ей пришлось идти почти на ощупь, ладонью скользя по скользкой коре деревьев, чтобы не сбиться с пути. Именно тогда лес начал шевелиться.

Сначала это были тени. Не просто отсутствие света, а нечто более плотное, движущееся с краю зрения. Когда она резко оборачивалась, там ничего не было, только неподвижные стволы и свисающие космы лишайника. Но стоило ей снова двинуться вперёд, как периферийное зрение улавливало плавное скольжение в чаще, мелькание чего-то бледного между деревьями. Она пыталась убедить себя, что это игра света, усталость, голод.

Затем пришли звуки.

Тихое поскрипывание, будто тяжёлая ветка раскачивается на невидимом сквозняке. Глухой стук, похожий на удар корня о камень под землёй, прямо у неё под ногами. Шёпот. Да, определённо шёпот — неразборчивый, множественный, доносящийся то слева, то справа, словно её обсуждали. Она замирала, кровь стучала в висках, но шёпот тут же стихал, сменяясь той же гнетущей, настороженной тишиной.

Ли́ра шла, стиснув зубы. Она вспоминала отцовские уроки: «Страх — это реакция на незнание. Изучи, и он отступит». Но как изучить это? Как классифицировать шевелящиеся тени и голоса без источника?

Она попыталась сосредоточиться на том, что могла понять. На почве. Она разглядывала землю под ногами, и её взгляд, тренированный отцом, начал отмечать странности. Обычный лесной покров из хвои и шишек кое-где прерывался идеально круглыми проплешинами голой, чёрной земли. На стволах деревьев, особенно на развилках, росли необычные грибы — крупные, с шляпками цвета засохшей крови и сизым, фосфоресцирующим налётом на ножке. Она видела их в отцовских зарисовках с пометкой «Мицелий сангвинарии (?) — возможный симбионт мест с остаточной эмоциональной энергией». Тогда эти слова казались абстрактными. Теперь они леденили душу.

Она уже готова была сдаться, повернуть и бежать, невзирая на всё, когда над её головой, в сплетении ветвей, раздался резкий, сухой звук — треск ломающейся ветки. Ли́ра вскрикнула и пригнулась, ожидая падения чего-то ужасного.

Но упала лишь небольшая ветка. А за ней, с шумом крыльев, тяжёлых и чёрных, как куски ночи, на ближайшую сухую вершину пихты опустилась ворона. Она была огромной. Её глаза, бусины из тёмного янтаря, уставились на Ли́ру бездумно, но с невероятной интенсивностью.

Прежде чем девушка успела опомниться, в воздухе снова зашуршали крылья. Вторая, третья, пятая... Они слетались молча, без карканья, занимая окружающие деревья, сухие сучья, выступающие корни. Вскоре её окружал неподвижный, безмолвный круг из десятков чёрных птиц. Они не приближались, не проявляли агрессии. Они просто смотрели.

Сердце Ли́ры бешено колотилось. Вороны. Вестники смерти, спутники колдунов и предвестники несчастий в каждой сказке. Это был знак. Самый ясный и недвусмысленный из всех. Лес отвергал её. Предупреждал.

«Дурной знак, — прошептала она, и её голос прозвучал жалко и глухо в поглощающей всё тишине. — Отец, что мне делать?»

Ответа не было. Только десятки пар блестящих глаз, наблюдающих за её страхом. Отчаяние, которое гнало её из города, начало превращаться в нечто иное — в ожесточённую, почти яростную решимость. Страх никуда не делся, он был тут, комом в горле, холодом в животе. Но над ним, тонкой, но прочной плёнкой, натянулось другое чувство.

«Хорошо, — мысленно сказала она воронам, поднимая голову. — Вы хотите меня напугать? Вы хотите, чтобы я убежала? Но мне некуда бежать. Так что вы можете смотреть сколько угодно. Я иду вперёд.»

Она сделала шаг. Твёрдый, громкий, нарочито уверенный. Вороны не шелохнулись.

Второй шаг. Третий.

И тогда произошло нечто удивительное. Одна из ворон, та, что сидела ближе всех, на коряге у самой тропы, вдруг наклонила голову. Не следила взглядом, а именно наклонила, как бы изучая её шаг. Потом она отряхнулась, и с её крыла упало небольшое, тёмное перо. Оно плавно спустилось и упало прямо на тропу перед Ли́рой.

Ли́ра замерла. Это могло быть случайностью. Но в этом лесу, в этой тишине, под этим взглядом, ничто не казалось случайным. Она медленно наклонилась и подняла перо. Оно было иссиня-чёрным, отливающим зелёным и фиолетовым, как масляная плёнка, на удивление тёплым в пальцах. Она сунула его в карман, рядом с семенами.

Когда она подняла глаза, круг ворон был уже не полным. Несколько птиц взлетели и уселись на ветки чуть дальше, по ходу тропы. Другие последовали их примеру. Они не улетели. Они... перестроились.

Следующие несколько часов пути прошли в сюрреалистичном, почти ритуальном молчании. Ли́ра шла по тропе, а стая ворон двигалась параллельно ей, перелетая с дерева на дерево, всегда оставаясь в поле зрения. Они больше не казались ей просто дурным знаком. Теперь они

походили на... эскорт. Станный, пугающий, но эскорт. Лесные шорохи и шёпоты не исчезли полностью, но отступили, словно не решаясь приблизиться к этому чёрному, безмолвному каравану.

Лира, осмелев, начала наблюдать. Она заметила, что вороны садятся только на определённые, сухие или мёртвые деревья, избегая тех, что были покрыты кроваво-красными грибами. Она стала следовать их маршруту, выбирая путь, который они как бы указывали своим перемещением. И тропа, хотя и оставалась едва заметной, словно стала чуть яснее.

Однажды, когда она пробиралась через особенно густые заросли папоротников, гигантские вайи которых шевелились без ветра, впереди раздалось внезапное громкое карканье. Это был первый звук, издаваемый птицами. Лира остановилась как вкопанная. Ворона, сидевшая на камне впереди, каркнула ещё раз, резко и предостерегающе, и взмахнула крылом в сторону, показывая в обход зарослей.

Лира последовала указанию, обойдя папоротник. И увидела, что прямо за стеной зелени тропа обрывалась в небольшой, скрытый овраг, замаскированный слоем хвои и веток. Ловушка.

Она обернулась, чтобы посмотреть на ворону. Та уже улетела.

К концу дня, когда зелёный сумрак начал сгущаться в настоящую, непроглядную тьму, а силы были на исходе, Лира увидела свет. Вернее, не свет, а прекращение леса.

Тропа вывела её на опушку. Но это была не та опушка, с которой она начинала. Перед ней расстилалась обширная поляна, погружённая в глубокие сумерки. Трава здесь была серебристо-серой и высокой, и она колыбалась в такт дыханию, которого не чувствовалось. А в центре поляны, на низком холме, стоял Дом.

Поместье Чернолесье.

Оно было огромным, построенным из тёмного, почти чёрного камня, который, казалось, впитывал остатки дневного света. Башни и шпили вздымались к небу асимметрично, как осколки ночи, пронзившие землю. Окна были узкими, похожими на бойницы, и ни в одном из них не горел огонь. Весь дом излучал холод, тяжесть и абсолютное, безраздельное одиночество. Ни забора, ни сада, ни признаков жизни. Только он, да начинающийся прямо за ним с другой стороны ещё более тёмный, старый лес, от которого, собственно, поместье и получило название.

Лира застыла на краю поляны, в последней тени деревьев. Её провожатые-вороны рассаживались на ветвях вокруг, завершая своё молчаливое дежурство. Ни одна не перелетела на поляну. Граница была очевидна.

Страх вернулся, новый, чистый и леденящий. Всё внутри кричало, что идти туда — безумие. Этот дом не просто выглядел недружелюбным; он выглядел неживым. Как огромная надгробная плита.

Она посмотрела на пергамент в своей дрожащей руке. «Требуется экономка... отсутствие брезгливости...»

Она вспомнила голод, холодные камни площади, брезгливые взгляды, потерю отца и дома. Она вспомнила, как вороны провели её через ловушки леса. Была ли это помощь? Или их просто вело любопытство — подвести добычу к самому логову?

У неё не было ответов. Была только темнота, надвигающаяся с неба, и твёрдая уверенность, что ночь в Хмуром Лесу она не переживёт.

Лира выпрямила спину. Она достала из кармана перо вороны, посмотрела на его таинственный перелив, и сунула обратно. Потом, не дав себе времени передумать, она ступила из-под сени деревьев на серебристую траву поляны.

Трава шуршала под её ногами, и звук этот был громким в абсолютной тишине. Она шла к чёрному дому, чувствуя, как тяжесть его молчаливого присутствия давит на неё с каждым

шагом. Она не оборачивалась, но знала, что сзади, на опушке, десятки тёмных силуэтов наблюдали за ней, пока она не скроется в тени портала.

Дорога сквозь Хмурый Лес закончилась. Теперь начиналось что-то иное.

Выписка из дневника Элиаса Торнли, страница с пометкой «Поведенческие наблюдения»:

«Вороны (Корвус коракс) — существа, чей интеллект и социальная структура сильно недооценены обывателем. Сегодня наблюдал за стаей на окраине Теневого бора (прим.: старое название Хмурого Леса). Они не просто кормились. Они осуществляли нечто вроде патрулирования территории. Одна птица, видимо, дозорный, сидела на высохшей сосне. Когда в пределы их участка забрела лиса, дозорный издал специфический, трескучий крик. Не крик тревоги, а скорее... констатацию. Остальные члены стаи, кормящиеся на земле, не взлетели в панике, а организованно и без суеты переместились на ближайшие деревья, наблюдая. Лиса, почувствовав себя замеченной и, что важнее, осознанной, ушла. Вороны вернулись к кормлению.

Вывод: они не просто реагируют на угрозу. Они управляют пространством. Они коммуницируют сложными, нам непонятными способами. А что, если их связь с местами, считающимися «проклятыми» или «обитаемыми нежитью», объясняется не мистикой, а экологией? Что, если они, как высокочувствительные существа, просто приспособились к сосуществованию с определёнными аномальными энергетическими или биологическими паттернами? Они не «служители тьмы». Они — сложные нейтральные наблюдатели, нашедшие свою нишу. Возможно, в их поведении можно найти ключ к пониманию таких мест, как... (далее текст зачёркнут, но можно разобрать) ...Чернолесье. Если когда-нибудь доведётся, нужно вести дневник наблюдений за тамошними врановыми. Они могут быть лучшими гидами, чем любой местный житель со своими суевериями.»

Лира, сама того не зная, только что подтвердила гипотезу отца самым непосредственным образом. Лес и его стражи проводили её до порога. Что ждало за ним — было тайной, которую предстояло разгадать уже в одиночку.

Глава 4

Дверь была из черного дуба, массивная, покрытая сложной резьбой, изображавшей переплетающиеся корни и ветви без листьев. На ней не было ни молотка, ни колокольчика. Лира, постояв в нерешительности перед этим немым порталом, сжала кулак и постучала костяшками пальцев прямо в древесину. Звук получился глухим, поглощенным, словно стучала она не в дверь, а в ствол тысячелетнего дерева.

Она ждала долго. Так долго, что холод от камней под ногами начал просачиваться сквозь тонкие подошвы, а сумерки окончательно перешли в ночь. Сзади, на опушке леса, не слышалось ни карканья, ни шороха крыльев. Вороны исчезли. Она была совершенно одна перед этим безмолвным домом, и отчаяние снова начало подниматься в горле комом.

И тогда дверь открылась. Бесшумно, без скрипа, внутрь, словно сам дом сделал вдох.

В проеме стоял он.

Лира ожидала увидеть кого-то старого, сгорбленного, с горящими безумием глазами — таким, каким рисуют некромантов в страшных сказках. Реальность оказалась иной и оттого еще более пугающей.

Каэл был высоким, очень высоким, и худым не от слабости, а как закаленный клинок. Он носил простой, но безупречно скроенный камзол из темно-серой шерсти, почти черной в этом свете. Его лицо было бледным, скульптурным, с резкими скулами и тонким, жестким ртом. Но все это меркло перед его глазами. Они были цвета зимнего неба незадолго до снега — светлые, ледяные, почти прозрачные, и в них не отражался ни свет угасающего дня, ни ее собственная испуганная фигура. Он смотрел сквозь нее, будто она была дымкой, случайным пятном на стекле его мира.

— Вы пришли по объявлению, — сказал он. Это не был вопрос. Голос у него был низким, ровным, без интонаций. В нем не было ни тепла, ни неприязни — лишь абсолютная, завершенная нейтральность, холоднее открытого презрения.

Лира попыталась проглотить комок в горле и кивнула, протягивая смятый пергамент. — Я... я Лира Торнли. Я готова работать.

Его взгляд скользнул по бумаге, даже не фокусируясь на тексте, и вернулся к чему-то за ее спиной, в сгущающейся тьме леса.

— Торнли, — повторил он, и в его голосе что-то едва дрогнуло — не интерес, а, возможно, легкое узнавание. — Ботаник.

— Мой отец, — быстро подтвердила Лира, ухватившись за эту ниточку. — Я знаю о растениях, о травах, могу вести хозяйство...

— Здесь нет сада, — он перебил ее, и его слова падали, как капли ледяной воды. — Есть дом. В нем есть порядок. Вы будете его поддерживать.

Он отступил на шаг, жестом приглашая войти. Решение нужно было принять сейчас. Лира переступила порог.

Воздух внутри был прохладным, сухим и пахнул не плесенью и тленом, как она ожидала, а камнем, воском и чем-то еще — слабым, едва уловимым ароматом сушеных трав и старого пергамента. Это было чисто. Пугающе чисто. Полы из темного полированного камня, стены, обитые темным деревом, никаких лишних предметов, никакого беспорядка. Ни свечей, ни факелов, но какой-то холодный, рассеянный свет, исходивший, казалось, от самих стен, освещал длинный, мрачный коридор.

— Вы будете жить здесь, — Каэл двинулся вперед бесшумной, плавной походкой. Его тень, отбрасываемая невидимым источником света, была длинной и неестественно четкой. — Ваши обязанности: поддерживать чистоту в жилых покоях на втором этаже, в библиотеке и

кухне. Готовить простую пищу два раза в день. Не трогать инструменты и материалы в лаборатории и кабинете.

Он говорил, не оборачиваясь, и Лира едва поспевала за ним, запоминая каждое слово, каждый поворот в лабиринте коридоров.

— В подвал не спускаться. Ни при каких обстоятельствах. — Он остановился и на секунду повернул к ней голову. Его ледяные глаза встретились с ее взглядом, и в них впервые промелькнуло нечто весомое — не угроза, а предостережение, тяжелое, как свинец. — Это не обсуждается.

Они поднялись по широкой лестнице с перилами из черного дерева. Везде царил идеальный, безжизненный порядок.

— В кабинете, — он указал на дверь, укрепленную стальными полосами, с сложным замком, — не трогать книги. Ни одну. Даже если они кажутся вам... привлекательными. Они не для вас.

Он открыл дверь в небольшое помещение. Это была кухня. Не уютное место с очагом и запахом пирогов, а функциональное пространство с каменной плитой, массивным столом и полками, уставленными банками с сушеными бобами, зерном и кореньями. Все было вычищено до стерильности.

— Пищу готовить для двоих. Вы можете есть то же, что и я. Продукты будут появляться. Не спрашивайте как.

Наконец, он привел ее в небольшую комнату на третьем этаже, под самой крышей. В ней была узкая кровать с жестким тюфяком, простой деревянный стул, комод и крошечное оконный бойница, выходящее на темный лес. На кровати были аккуратно сложены простыни и одеяло.

— Это ваша комната. Работа начинается на рассвете. Ужин в седьмой час. Завтрак — в шестом. Вопросы?

Лира стояла посреди этой каменной клетки, чувствуя, как холод от стен проникает в самое нутро. Его бесстрастный тон, эти ледяные правила, эта гнетущая чистота... Это было хуже, чем открытая враждебность.

— Я... — она собралась с духом. — А что насчет оплаты?

Он смотрел на нее так, будто она спросила о погоде на Луне.

— Кров, пища, безопасность, — перечислил он. — Это больше, чем у многих есть. Если через месяц вы останетесь и будете выполнять правила, мы обсудим монеты.

— А что... что здесь происходит? — вырвалось у нее, прежде чем она успела остановиться. — Почему такие правила?

Каэл смотрел на нее еще несколько секунд. В его глазах что-то мерцало — усталость? Раздражение? Нечто бесконечно далекое.

— Здесь ничего не «происходит», — наконец сказал он. — Здесь есть порядок. И тишина. Вы были наняты, чтобы их соблюдать, а не нарушать. Задавать лишние вопросы — значит нарушать тишину. Последнее предупреждение.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Ожидаю вас на кухне через час для ужина, — прозвучало из коридора. И затем, уже почти беззвучно, но донесшееся до нее четко: — И уберите это перо. Оно не принадлежит этому дому.

Дверь в ее комнату не закрылась. Но Лира поняла, что он знает. Знает о пере, о ее страхе, обо всем. Она медленно достала из кармана черное воронье перо. Оно все еще казалось теплым.

Она осталась одна. Тишина дома была не такой, как в лесу. Она была внутриволной, густой, как смола. Но, прислушавшись, Лира начала улавливать... не звуки. Что-то иное. Едва уловимое движение воздуха в коридоре, когда, казалось бы, неоткуда было дуть. Легкий, похо-

жий на вздох, скрип дерева где-то за стеной. И тени. На стене ее комнаты, отбрасываемые холодным светом, одна из теней на мгновение дернулась не в такт ее собственному движению.

Она подошла к окну. Лес был черной бездной. Ни звезд, ни луны. Только мрак. И тогда, в самом низу, у фундамента дома, она уловила слабое, зеленоватое мерцание, будто светлячок, но движение у него было не насекомого, а плавное, как у плывущей медузы. Оно проползло вдоль камня и исчезло.

Лира отшатнулась от окна. Сердце бешено колотилось. «Отсутствие безразличности. Игнорирование посторонних шумов». Теперь эти слова обрели новый, жутковатый смысл.

Она посмотрела на перо в руке, потом сунула его в комод, под сложенное белье. «Не принадлежит этому дому». Но ведь и она не принадлежала. Пока что.

Она села на кровать, обхватив руками колени. Страх был жив и реален. Но сквозь него пробивалось острое, почти болезненное любопытство. Что за книги в кабинете? Что скрывает подвал? Что это за огоньки и шорохи? И кто он, этот ледяной хозяин, чей взгляд видел сквозь людей и, возможно, сквозь саму ткань реальности?

Правила были ясны. Но Лира Торнли, дочь ботаника, выросшая среди тайн природы, уже знала: строжайший запрет существует лишь для того, чтобы однажды быть нарушенным. Вопрос был не в «если», а в «когда».

Запись из дневника Элиаса Торнли (на полях, рядом с зарисовкой «мха-стража»):

«Интересная параллель из алхимических трактатов: величайшие ограничения (т.н. «Табу») накладываются не на слабое или опасное, а на то, что обладает собственной, автономной силой. Стекланный колпак накрывают не ядовитый сорняк, а редкий цветок, чья пыльца может изменить сознание. Замком закрывают не пустой сундук, а тот, в котором спит сила, не различающая друга и врага. Таким образом, строгость правил в определенном месте может служить не указанием на опасность «оттуда», а предостережением о хрупкости равновесия. Нарушишь правило — и сила вырвется на свободу. Но вопрос: сила чего? Защиты? Разрушения? Или чего-то третьего, для чего у нас просто нет названия?»

Лира, сама того не ведая, только что пересекла порог не просто дома, но именно такого места равновесия. А ее новоиспеченный хозяин, Каэл, был тем живым замком, что удерживал это равновесие ценой собственного покоя и, возможно, души.

Глава 5

Тишина в комнате была не абсолютной. Она была живой, дышащей, и в этом заключалась вся ее жуть. Лира лежала на жесткой койке, укрытая тонким, грубым одеялом, и прислушивалась. Сердце, отстукивающее быстрый ритм под ребрами, казалось, единственным человеческим звуком во всей этой каменной гробнице. Но постепенно, сквозь гул собственной крови в ушах, она начала различать другие.

Дом скрипел. Не так, как скрипят обычные, настоянные на истории здания. Эти звуки были точечными, целенаправленными. То тихий шорох, будто кто-то провел ладонью по штукатурке в коридоре. То легкий, как падение пера, стук где-то над головой, на чердаке. То едва уловимый шелест, похожий на перелистывание страниц — но библиотека была этажом ниже, и ее дверь, как она помнила, была массивной и, несомненно, запертой.

Она пыталась убедить себя, что это ветер. Но воздуха в комнате не двигалось ни на йоту. Холодный, неподвижный, он висел тяжелым пологом. Окно-бойница не пропускало даже намека на сквозняк.

Лира вцепилась в одеяло, глядя в темноту, постепенно проступающую по мере того, как ее глаза привыкали. Ледяной свет, исходивший от стен, с закатом погас, оставив после себя лишь слабое, фосфоресцирующее свечение, похожее на гнилушки в глубине леса. Оно было достаточно тусклым, чтобы окутывать предметы таинственными ореолами, но недостаточным, чтобы развеять тени в углах. А тени эти, ей казалось, были гуще и плотнее, чем следовало.

Прошел час. Два. Сон бежал от нее, как от преследователя. Вместо него приходили мысли — вереницей, неотвязные и тяжелые. Отец в гробу, который она так и не увидела. Холодные глаза Каэла, смотрящие сквозь нее. Правила, висящие в воздухе невидимыми, но ощутимыми цепями. Не входить. Не трогать. Не спрашивать.

Она повернулась на бок, лицом к стене, и закрыла глаза, пытаясь силой воли вызвать образы, далекие от этого места. Зеленую листву отцовской теплицы, запах влажной земли, уютный треск поленьев в камине их старого дома... Но даже воспоминания казались выцветшими, призрачными, неспособными пробиться сквозь плотную ауру Чернолесья.

И тогда она услышала смех.

Он донесся не из коридора и не из-за стены. Он шел сверху, словно спускаясь по каменному колодцу. Легкий, серебристый, отчетливо женский смех, приглушенный слоями камня и времени, но абсолютно ясный. Он прозвучал один раз, отрывисто, как будто кто-то услышал изысканную шутку, которую нельзя было разделить с другими. Потом тишина. Густая, настоянная.

Лира замерла, перестав дышать. Кровь отхлынула от лица, оставив после себя ледяное онемение. Это не было игрой воображения. Она слышала. Где-то в этом доме, в его запретных глубинах, кто-то смеялся. Женщина. И этот смех не звучал ни безумно, ни злобно. Он звучал... жизненно. Весело. И от этого становилось в тысячу раз страшнее.

Пока она лежала, окаменев, пытаясь осмыслить услышанное, другие звуки начали выстраиваться в подобие картины. Из камина — маленького, темного отверстия в стене, явно не использовавшегося десятилетиями — донесся негромкий, мелодичный голосок, напевавший старинную колыбельную. Мелодия была знакомой, но слова искажены, будто пропущены сквозь сито забвения: «Спи, дитя, в ночи глубокой, за стеною ходят тени...». Напев оборвался на полуслове, сменившись довольным хихиканьем.

Прямо под полом, в пространстве между этажами, что-то тяжелое и мягкое проскребло по камню, будто перемещался мешок с песком. Потом раздался слабый, но отчетливый стук — тук-тук-тук — словно кто-то робко постучал костяшками пальцев снизу, прямо под ее кроватью.

«Игнорирование посторонних шумов», — вспомнила Лира, и истерический смешок застрял у нее в горле. Как можно игнорировать это? Она чувствовала, как по спине бегут мурашки, а волосы на затылке шевелятся. Каждая клетка ее тела кричала, чтобы она вскочила, зажгла свет (если бы он был), закричала или бежала прочь.

Но бежать было некуда. А крик... крик нарушил бы тишину. Нарушил бы правила. И что тогда? Что сделает с ней тот ледяной хозяин с глазами зимы? Выгонит обратно в лес, где ее уже ждали вороны и шепчущие тени?

Нет. Она оставалась здесь. Добровольно. Заплатив за это свой страх.

С титаническим усилием воли она заставила себя расслабить сжатые кулаки, сделать медленный, глубокий вдох. «Наблюдай, — вспомнился голос отца, когда они сидели в засаде у норы редкого зверька. — Страх слепит. Но любопытство... любопытство дает зрение. Сначала ты регистрируешь факт. Потом ищешь закономерность.»

Факт. В доме, помимо Каэла, есть... другие. Они издают звуки. Они активны ночью. Они не нападают. Пока.

Она медленно, почти не дыша, приподнялась на локте и осмотрела комнату в тусклом флуоресцирующем свете. Тени в углах замерли, будто и сами прислушивались. Напев из камина стих. Но чувство присутствия не исчезло. Оно стало более плотным, более внимательным. Теперь не она наблюдала за домом. Дом наблюдал за ней.

И тогда она поняла, что хочет пить. Горло пересохло от страха и напряжения. На комод стоял глиняный кувшин с водой, который она принесла с кухни перед сном. И лежала ее единственная ценность, помимо дневника и семян — простая, деревянная расческа с несколькими уцелевшими зубьями, память о матери.

Лира осторожно спустила ноги с кровати. Каменный пол был ледяным даже сквозь тонкую ткань ее единственной ночной рубашки (ее собственная одежда висела на стуле, плащ и платье, спасшиеся от мачехи). Она сделала несколько шагов к комоду, ее босые ноги шлепали по камню, звук казался неприлично громким.

Она налила воды в глиняную чашку, дрожащими руками поднесла к губам. Вода была холодной, чистой, с легким привкусом кремня. Пока она пила, ее взгляд упал на расческу. Инстинктивно, желая сделать что-то нормальное, привычное, она потянулась за ней правой рукой.

В этот момент что-то мелькнуло в ее периферийном зрении у самой кровати. Движение. Плавное, костяное.

Она замерла, чашка застыла у губ. Медленно, с трудом повернула голову.

Из-под кровати, из глубокой тени, где сходились пол и стена, выдвигалась рука.

Но не живая.

Кости, желтовато-белые в призрачном свете, идеально чистые и гладкие. Пальцы — фаланги, лишённые плоти и сухожилий — двигались с изящной, почти церемонной точностью. Рука, выдвинувшись по локоть, нащупала на полу предмет. Им оказалась ее расческа. Видимо, она упала с комода, когда Лира брала кувшин, и откатилась под кровать.

Лира не могла пошевелиться. Ужас сковал ее, как панцирь льда. Она видела, как костяные пальцы осторожно, почти нежно, обхватывают гребень расчески, поднимают его. Рука повернулась в лучезапястном суставе (легкий, сухой шелчок) и протянула расческу ей, Лире, держа ее так, как дворецкий подает письмо на серебряном подносе.

Время остановилось. Лира смотрела на предложенный ей предмет, на эту невозможную, вежливую конечность, торчащую из-под ее собственной кровати. Разум металлически, пытаясь найти объяснение. Галлюцинация от усталости. Ловко сделанный механизм. Что угодно, только не то, что это было.

Но это было. Кость. Двигающаяся. Предлагающая.

Инстинкт кричал: отшвырни, закричи, разбей чашку об эту кость! Но сквозь панику пробивалась другая мысль, холодная и ясная, как взгляд Каэла: «Отсутствие брезгливости».

Она сделала невероятное усилие. Опустила чашку на комод. Ее рука дрожала, но она ее протянула. Пальцы, живые, теплые, дрожащие, коснулись холодной, гладкой кости, приняв из костяной руки деревянную расческу.

Контакт длился долю секунды. Ощущение было странным — не отвратительным, а просто... чужим. Как прикоснуться к отполированному мрамору, который не должен был двигаться.

Как только расческа покинула костяные пальцы, рука тут же отдернулась под кровать. Быстро, но без суеты. Исчезла в тени. Ни звука. Ни шелеста.

Лира стояла, сжимая в потной ладони деревянный гребень. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Она ждала, что сейчас появится что-то еще. Вся скелетная фигура. Или что рука схватит ее за лодыжку.

Но ничего не произошло. Тишина вернулась. Но это была уже иная тишина. Напряженная тишина после представления, когда актер ждет реакции зала.

Лира медленно, очень медленно, опустилась на пол, скрестив ноги. Она не смотрела под кровать. Она смотрела на расческу в своих руках. Потом подняла глаза к темному отверстию камина. К потолку, откуда доносился смех. К полу, где только что стучали.

«Регистрируй факты, — нашептывал в голове голос отца. — Ищи закономерность.»

Она глубоко вздохнула. Потом, едва слышно, настолько, что это был почти лишь выдох, она произнесла в темноту:

— Спасибо.

Никакого ответа. Ни смеха, ни стука. Но воздух в комнате, ей показалось, дрогнул. Напряжение чуть ослабло. Словно невидимая аудитория, удовлетворившись ее реакцией, тихонько разошлась.

Лира не знала, сколько она просидела так на холодном камне. Но когда она наконец поднялась и вернулась в кровать, ужас не исчез, но к нему добавилось нечто новое — ошеломленное, лихорадочное любопытство. Дом был не просто мрачным местом с суровым хозяином. Он был... населен. И обитатели его, какими бы они ни были, возможно, не желали ей зла. Возможно, они просто проверяли новенькую. Испытывали на прочность ее нервы и ее способность следовать правилу «отсутствия брезгливости».

Она повернулась на спину, глядя в темноту, где теперь знала, что таится не только пустота. У нее под кроватью жил скелет. Вежливый скелет, подающий расчески. Это было так абсурдно, что на мгновение уголки ее губ дрогнули в чем-то, отдаленно напоминающем улыбку.

Она заснула не сразу. Но когда сон наконец пришел, он был без сновидений. А в комнате больше не было слышно ни смеха, ни напева. Лишь одинокий, легкий скрип, похожий на звук костяных пальцев, осторожно перебирающих что-то в темноте под ложем.

Выписка из дневника Элиаса Торнли, раздел «Неканоническая симбиотика»:

«Наблюдал сегодня удивительный феномен в гнилом пне: колония муравьев-древоточцев и грибница определенного вида плесени не только сосуществуют, но и демонстрируют признаки взаимовыгодного сотрудничества. Муравьи расчищают для гриба территорию, а тот, в свою очередь, выделяет вещества, отпугивающие естественных врагов муравьев. Они даже общаются — через вибрации и, возможно, химические сигналы. Это заставляет задуматься.

Мы так легко делим мир на «живое» и «неживое», на «дружественное» и «враждебное». Но природа не знает таких категорий. Она знает только целесообразность и взаимную пользу.

Что, если то, что мы называем «нежитью» или «привидениями», является лишь иной формой существования? Не враждебной по своей сути, а просто... другой. И если найти верный «химический сигнал», правильный тон общения, возможно, сосуществование станет не только возможным, но и плодотворным. Ключ — наблюдение без предубеждения. И первый шаг — преодоление инстинктивного отвращения. Ведь муравей, наверное, тоже сначала боялся гриба.»

Лира, сама того не ведая, только что сделала свой первый, робкий шаг к установлению «симбиоза» с обитателями Чернолесья. Она подала правильный сигнал. Осталось узнать, какую пользу это странное соседство могло принести ей — и что от нее потребуют взамен.

Глава 6

Утро в Чернолесье не наступало с рассветом. Оно прокрадывалось тихо, как туман, медленно превращая абсолютную темноту за окном-бойницей в глубокий, свинцовый серый цвет. Ни пения птиц, ни первых лучей солнца, пробивающихся сквозь листву — только смена оттенков тьмы. Лира проснулась от ощущения, что за ней наблюдают, и обнаружила, что бледный, безжизненный свет уже снова сочится из стен, выхватывая из мрака контуры комнаты.

Она лежала неподвижно, прислушиваясь. Дом молчал. Но это была иная тишина, чем ночью — не настороженная и населенная, а скорее... выжидательная. Как будто само здание затаило дыхание, ожидая, что сделает новый обитатель при дневном (если это можно было так назвать) свете.

Память о ночных событиях нахлынула на нее: серебристый смех, костяная рука, холодное прикосновение к ее пальцам. Это не было сном. Расческа лежала на комодке там, где она ее положила. Но страх, парализовавший ее ночью, уступил место странному, нервному возбуждению. Она была жива. Ей подали расческу. Значит, пока что правила игры она соблюдала.

Первое правило на сегодня: явиться на кухню к шести часам для приготовления завтрака. Лира быстро умылась ледяной водой из кувшина, надела свое поношенное, но чистое платье, заплела волосы в тугую косу, стараясь придать себе вид компетентности, которой не чувствовала. Ей нужно было работать. Заработать кров, пищу и, в конце концов, монеты. А для этого — игнорировать «посторонние шумы» и любую... нестандартную помощь по хозяйству.

Она осторожно открыла дверь и вышла в коридор. Дневной (вернее, постоянный) свет делал его менее зловещим, но не более приветливым. Длинная галерея с темными портретами, лица на которых были стерты временем и тенями, казалось, тянулась бесконечно. Она двинулась по памяти, пытаясь воспроизвести путь, которым вел ее Каэл.

Шаги эхом отдавались от каменных полов. И она снова почувствовала это — чувство наблюдения. Не из-за дверей, а от самих портретов. Из темных глазниц на холстах, казалось, за ней следили. Она ускорила шаг.

Наконец, знакомый поворот — и она должна была оказаться у кухни. Но дверь, которая вчера вела в стерильное, безжизненное помещение, сейчас была приоткрыта. И из щели лился... не свет. Нечто большее. Лился звук. Не тишина, а целая симфония бытового шума. Гул голосов, звон посуды, шипение чего-то на плите, ритмичное постукивание, смех — настоящий, полногрудый, а не тот, призрачный, ночной.

Лира замерла у порога, сердце снова заколотилось. Это была ловушка? Галлюцинация? Она осторожно приоткрыла дверь еще немного и заглянула внутрь.

Кухня преобразилась. Тот же каменный пол, та же массивная плита, те же полки. Но теперь на плите в трех огромных, сверкающих медных кастрюлях что-то булькало и парило, наполняя воздух густым, аппетитным ароматом тушеных овощей и трав. На огромном дубовом столе горкой лежали идеально очищенные корнеплоды, рядом — доска, на которой невидимый нож с хрустом шинковал лук. Но самое главное — это люди. Вернее, их подобия.

Их было человек десять-двенадцать. Они были полупрозрачными, мерцающими, как отражение в запотевшем стекле. Очертания их тел дрожали, расплывались по краям, но внутри они были плотными, детализированными — можно было разглядеть узор на фартуке, седые волоски в пучке, даже веснушки на щеках у молодой служанки. Они суетились, двигались сквозь друг друга и предметы, не обращая на это внимания, вовлеченные в бешеную, веселую деятельность.

В центре этой суматохи, стоя у плиты и помешивая одну из кастрюль большой деревянной ложкой (которая проходила сквозь ее полупрозрачную руку, не оказывая никакого влияния на содержимое), парила дама впечатляющих пропорций. На ней было пышное платье вик-

торианской эпохи с высоким воротником и кружевным передником, а на голове — чепец, с которого свисали две призрачные ленты. Ее лицо было круглым, румяным (несмотря на полупрозрачность) и сияло безудержным энтузиазмом.

— Джонатан, милый, не гоняй шваброй через мою миску с яйцами! Икринки и так достаточно взволнованы! — крикнула она тощему призраку в ливрее, который с серьезным видом мыл пол, проходя шваброй сквозь ножки стола и котлету, лежащую на тарелке.

— Но, миссис Баттерсби, тут пятно от века до нашей эры! — возмутился Джонатан, продолжая свое дело.

— Тогда дай ему дожить до обеда в мире! А ты, Эмили, перестань пугать соль! Она вся разбежится!

Молодая призрачная служанка, которая дула на горку соли, пытаясь сдуть ее со стола (что, естественно, не работало), смущенно хихикнула.

Лира стояла на пороге, полностью ошеломленная. Веселая толпа призраков. На ее кухне. Готовя завтрак, который они физически не могли приготовить. Это было... сюрреалистично. Неуместно. И до смешного, до истерики странно.

Шум постепенно стих. Все призраки замерли и повернулись к двери. Десяток пар глаз, светящихся мягким внутренним светом, уставились на нее. Лире захотелось отступить, захлопнуть дверь и сделать вид, что ничего не было.

И тогда миссис Баттерсби оторвалась от плиты (ложка так и осталась висеть в воздухе, продолжая помешивать сама себя) и поплыла в ее сторону. Ее полупрозрачное платье колыхалось в несуществующих потоках воздуха.

— А, вот и наша новая жертва! — провозгласила она радушным, звонким голосом, который, казалось, звучал прямо в голове Лир. — Прелесть моя, мы уже начали было волноваться! Обычно новенькие либо сбегает с визгом после первого же скрипа половицы, либо впадают в кататонию при виде Альфонса под лестницей (у него, знаете ли, нет головы, бедняга, вечно ее теряет). Но вы... вы даже переночевали! И, говорят, вежливо поблагодарили нашего стеснительного Джереми за услугу. Очень мило. Очень цивилизованно!

Лира попыталась что-то сказать, но из горла вырвался лишь бессвязный звук. Миссис Баттерсби, казалось, этого и ожидала.

— О, не напрягайтесь, дорогуша. Первый шок — он всегда такой. Я сама, когда впервые оказалась здесь (после того, как отошла в мир иной от скуки на светском рауте, представляете? Умирала от скуки, пока не умерла по-настоящему!), была в совершеннейшем смятении. Но потом поняла — здесь, знаете ли, гораздо веселее. Особенно когда есть за кем присматривать и кем покомандовать. — Она обернулась к замершим призракам. — Не стойте столбами! Работать! Суп не помешает себя сам! А вы, милочка, проходите, проходите. Вы же должны готовить завтрак для Его Ледяного Величия.

Последние слова были сказаны с едва уловимой, почти ласковой иронией. Лира, будто во сне, сделала шаг вперед. Она прошла сквозь призрак молодой служанки Эмили, ощутив легчайший холодок, как от сквозняка. На нее это произвело большее впечатление, чем на Эмили, которая лишь хихикнула и продолжила «вытирать» стол тряпкой, проходя ею сквозь дерево.

— Я... я должна приготовить завтрак, — наконец выдавила из себя Лира.

— И прекрасно! — миссис Баттерсби парила рядом с ней, жестом указывая на плиту. — Каша уже почти готова. Овес, вода, щепотка соли. Мы начали, как только услышали, что вы повернулись на кровати в пятый раз. Знак, что скоро встанете.

— Но... вы же не можете...

— Прикоснуться к физическому миру? О, нет, милая, конечно нет. Но мы можем... наблюдать очень внимательно. И подсказывать. И создавать правильную атмосферу! Атмосфера на кухне — это половина успеха, поверьте мне. Вот, смотрите.

Миссис Баттерсби махнула рукой в сторону кастрюли. И Лира увидела, что пар, поднимавшийся из нее, странным образом клубился, образуя над кашей сложные, изящные узоры — спирали, завитки, даже подобие цветка. Это было красиво и совершенно бессмысленно.

— Это Эмили тренируется, — с гордостью прошептала миссис Баттерсби. — Мечтает однажды сконденсировать пар в настоящую розу. Пока получаются только абстракции, но мы верим в нее.

Лира, всё ещё онемевшая, подошла к плите. Каша действительно была почти готова — идеальной консистенции. Она механически помешала ее, взяла две простые глиняные миски с полки.

— А... а для кого всё это? — она кивнула на другие кастрюли, на горы овощей.

— О, это для нас! — миссис Баттерсби сияла. — Мы любим процесс. Видеть, как ингредиенты превращаются во что-то вкусное. Чувствовать запахи (о, мы ещё кое-что можем чувствовать!). Это напоминает о... ну, вы понимаете. О жизни. Пусть даже мы и наблюдаем со стороны. А потом, — она понизила голос до конспиративного шепота, — Его Ледяное Величие иногда оставляет тарелку у камина в холле. Для «атмосферы», как он говорит. А мы... мы делаем вид, что не замечаем, как содержимое потихоньку исчезает. Он знает. Мы знаем, что он знает. Но правила приличия есть правила приличия, даже между измерениями.

Лира разлила кашу по мискам. Действия, простые и привычные, начали успокаивать ее расшатанные нервы. Она украсила кашу ягодами из банки на полке (ягоды тоже были, судя по всему, «принесены» таинственным образом).

— А где... где я должна подать?

— В столовую, милая. По коридору налево, дверь с витражом. Он уже ждет. Не опаздывайте, он этого не любит. Хотя, что он любит — большой вопрос для всех нас.

Лира взяла поднос с двумя мисками, хлебом и кувшином воды. Она чувствовала на себе взгляды призраков — любопытные, доброжелательные, полные какого-то трогательного ожидания.

— Спасибо, — снова сказала она, на этот раз более твердо. — За... за помощь.

Миссис Баттерсби положила полупрозрачную руку на сердце (рука прошла сквозь ткань платья).

— О, это такое удовольствие — наконец-то иметь кого-то, кто нас слышит! Прежние... ну, они долго не задерживались. А вы, я чувствую, другое дело. Вы видите. И, возможно, даже будете смотреть. Удачи, дорогуща. И помните: если ночью что-то стучит, это, скорее всего, Альфонс ищет свою голову. Не пугайтесь, просто скажите: «Альфонс, она на третьей полке в кладовой». Он вечно ее там забывает.

С этим советом Лира вышла нагруженная подносом обратно в коридор. За ее спиной снова поднялся веселый гам призрачной кухни — спор о том, сколько призраков может танцевать на острове ножа, звон «моемой» посуды и довольное напевание миссис Баттерсби.

Она шла по коридору, и смех, доносившийся из-за двери, казалось, нарушал самую суть этого мрачного места. В Чернолесье было страшно. Было холодно. Было одиноко для того, кто сидел в столовой с глазами цвета льда. Но здесь, на кухне, среди тех, кто давно перестал дышать, кипела жизнь. Странная, призрачная, но настоящая.

Лира поняла, что улыбается. Слабо, по-детски, но улыбается. Это место не пыталось ее убить или свести с ума. Оно... проверяло ее. На прочность. На способность видеть не только ужас, но и абсурд. На способность принять правила игры, в которой костяные руки подадут расчески, а призраки-кухарки руководят кухней, которую не могут потрогать.

Она подошла к двери столовой, отягощенная подносом и новым знанием. Её хозяин был некромантом. Но похоже, его «некрот» — это не полчища ужаса, а вежливые скелеты и болтливые призраки, умирающие от скуки. И ей, Лире Торнли, изгнанной из мира живых, предсто-

яло теперь наладить быт в мире, где смерть, казалось, забыла о своей мрачной сути и просто... продолжала жить в своем, особенном, ключе.

Выписка из дневника Элиаса Торнли, страница с заголовком «Энергетические отпечатки»:

«Гипотеза: сильные эмоции, особенно связанные с определенным местом или деятельностью, могут оставлять в материи своего рода «отпечаток» — устойчивый паттерн энергии. Это не душа в религиозном смысле, а скорее... эхо. Эхо радости, отчаяния, любви, привычки.

Наблюдал это в старой усадьбе Локвудов, давно заброшенной. В библиотеке, где, по слухам, любила проводить время прежняя хозяйка, до сих пор чувствуется спокойная, сосредоточенная атмосфера, и книги на полках, кажется, меньше пылятся. А в кухне, где когда-то работала шумная, дружная прислуга, воздух до сих пор вибрирует отзвуками смеха и звоном посуды, хотя очаг холоден уже тридцать лет. Местные называют это «привидениями», но это не осознанные сущности. Это — привычка места. Его память, воспроизводящая себя снова и снова.

Но что, если в месте с особой, концентрированной магией (например, в зоне влияния некроманта?) эти «эхо» могут получить достаточную автономию, чтобы проявлять подобие осознанности? Не создавая новую жизнь, а... продлевая тень старой? Они были бы привязаны к своим привычкам, к своей «роли». Повар будет «готовить», служанка — «убирать», не в силах и не желая выйти за рамки этого цикла. Они были бы не опасны, а... тоскливы. Или, если цикл основан на положительных эмоциях, даже счастливы в своем роде. Задача живого, вступившего в контакт, — не изгнать эхо, а встроиться в его ритм. Признать его. Дать ему цель. Возможно, тогда сосуществование станет не просто возможным, но и взаимно обогащающим.»

Лира, сама того не ведая, только что была официально принята в ритм самых ярких «эхо» Чернолесья. И миссис Баттерсби, это эхо викторианской кухарки, умершей от скуки, наконец-то обрела кого-то, для кого можно было по-настоящему «руководить» процессом. Для обеих это было началом чего-то нового.

Глава 7

Распорядок в Чернолесье, как выяснила Лира, был железным, но его содержание определялось не только Каэлом. После завтрака, прошедшего в леденящей тишине (Каэл ел свою кашу, не поднимая глаз, и удалился, кивнув в сторону кухни — указание мыть посуду), Лира получила свой первый список обязанностей. Он не был написан на бумаге. Его озвучил, вернее, просвистел мимо ее уха тонкий, как лезвие бритвы, голосок, принадлежавший, судя по всему, призраку-лакею Джонатану.

— Жилые покои второго этажа. Пыль. Постельное белье. Порядок в гардеробных. Его Сиятельство терпеть не может беспорядка в личных вещах. Особенно в гардеробных.

Последняя фраза прозвучала с легким, многозначительным ударением, после чего голосок растворился в воздухе вместе с легким запахом старой пудры.

Вторая задача заключалась в том, чтобы найти эти самые гардеробные. Поместье было лабиринтом, и Каэл, конечно, не потрудились устроить ей экскурсию. Она двинулась наугад, и через несколько минут блужданий по коридорам, украшенным гобеленами с выцветшими, пугающими сценами (один, казалось, изображал танцующие деревья, увлекающие в чащу группу путников), наткнулась на дверь, отличавшуюся от других. Она была уже, без резьбы, с простой железной скобой вместо ручки.

Лира толкнула дверь. Она открылась бесшумно, впуская ее в длинную, узкую комнату. Это была не гардеробная в привычном понимании, а скорее кладовая для одежды. С обеих сторон тянулись высокие, до потолка, шкафы из темного дерева, а в центре стояли сундуки с коваными углами. Воздух пах камфорой, лавандой и старой шерстью. Пыль лежала ровным, бархатистым слоем на горизонтальных поверхностях, подтверждая, что «жилые покои», которые содержала в порядке магия или призраки, сюда не входили. Это была ее территория.

Она вздохнула, взяла с полки у входа тряпку и деревянную шкатулку с мелом для полировки (все было приготовлено, как будто ее ждали) и приступила к работе. Сначала — сундуки. В них хранилась одежда прошлых эпох: камзолы, расшитые серебряной нитью, платья с кринолинами, поблекшие и истончившиеся от времени, плащи из тяжелой ткани. Все было аккуратно сложено, но нуждалось в проветривании. Она вытряхивала каждую вещь у небольшого оконца, стараясь не думать о том, кто и когда мог их носить.

Потом пришла очередь шкафов. Первые несколько были заполнены более современной (относительно) одеждой Каэла — темными плащами, строгими сюртуками, белыми рубашками, настолько белыми, что они казались излучающими собственный свет в полумраке комнаты. Здесь пыли почти не было.

И вот она подошла к последнему, самому дальнему шкафу в углу. Он был шире других и казался старше, его дерево было почти черным. Лира потянула за ручку.

Дверь не поддавалась. Она была заперта изнутри.

Лира нахмурилась. Может, это какой-то особый шкаф? Или его просто заклинило? Она постучала по дереву костяшками пальцев.

В ответ изнутри донесся отчетливый, сухой звук — клац-клац-клац — будто кто-то быстро и нервно стучал костяшками пальцев друг о друга. Потом — тихий, скрипучий шепот, который она едва разобрала: «Она снаружи. Она стучит. Протокол? Какой протокол? Сирил, ты помнишь протокол на стук?»

Другой, чуть более высокий скрип: «Не выходить. Не издавать звуков. Притвориться вешалками.»

Лира отступила на шаг, сердце замерло. Не снова. Но на этот раз страх был приглушен уже накопившимся опытом абсурда. Она приложила ухо к дереву.

— Эй, — сказала она тихо, но твердо. — Там кто-то есть?

Внутри воцарилась мертвая тишина. Потом — легкий шелест, похожий на падение чего-то мелкого и металлического, и приглушенное: «Ой.»

Лира перевела дух. «Отсутствие брезгливости», — напомнила она себе. И добавила про себя: «И, кажется, бесконечное терпение».

— Я не причиню вам вреда, — сказала она, стараясь говорить максимально мягко, как говорила с испуганными лесными зверьками. — Меня зовут Лира. Я новая экономка. Мне нужно убраться здесь.

Молчание. Потом скрипучий шепот: «Она говорит, что не причинит вреда. Новый протокол?»

«Нет протокола на экономок. Только на мышей. И на пауков размером с кулак.»

«Пауков не было пятьдесят лет.»

«Протокол есть протокол.»

Лира невольно улыбнулась. Это было... комично. Она постучала снова, уже вежливо.

— Можно мне войти? Или вы выйдете? Мне нужно протереть пыль.

Раздался звук щелчка — маленький замочек отпирался изнутри. Дверь шкафа медленно, со скрипом, отворилась на несколько дюймов. В щели Лира увидела не одежду, а... интерьер. Крошечное, обустроенное пространство. На полках, освобожденных от вешалок, были разложены аккуратные тряпицы, а на них — коллекции. Отсвечивали перламутром и блестели полированным деревом десятки, нет, сотни пуговиц. Они были рассортированы по размеру, цвету и материалу. Рядом в маленьких коробочках лежали катушки ниток, бисер, несколько перьев и даже крошечные, искусно сделанные миниатюрные инструменты — наперсток, ножнички с тонкими лезвиями.

А на двух маленьких табуретах, спиной к задней стенке шкафа, сидели два скелета.

Они были небольшими, изящными, будто принадлежали невысоким, худощавым мужчинам. Их кости были чистыми, почти сияющими в полумраке шкафа. На одном — Саймоне, как она позже узнала — на ребрах болтался жилет из выцветшей бархатной ткани, украшенный парой особенно красивых серебряных пуговиц. На другом, Сириле, был накинут клетчатый шарф. Оба сидели, прижав костяные пальцы к орбитам глазниц, в классической позе «если я не вижу тебя, то и ты меня не видишь». Но щели между пальцами были, и из них на нее смотрели два темных, но не злых, а скорее испуганных и любопытных огонька — слабое сияние, мерцавшее в глубине черепов.

— Здравствуйте, — сказала Лира, чувствуя, как нелепость ситуации достигает космических масштабов.

Скелеты вздрогнули всем своим костяным строем, издав сухой, похожий на погремушку звук.

— Она поздоровалась, Саймон, — проскрипел Сирил, не двигаясь.

— Слышу. Протокол на приветствие?

— Нет протокола. Только на вторжение мышей. Или если забыл, где положил лучшую пуговицу.

— У меня нет лучшей пуговицы. У меня есть шедевры. Это разные категории.

Лира кашлянула, привлекая внимание.

— Извините, что потревожила. Вы... живете здесь?

Саймон (в жилете) медленно развел пальцы, открывая «взгляд». Огонечек в его глазницах мерцал нервно.

— Мы... обитаем, — поправил он скрипуче, с достоинством. — Живут те, у кого есть... ну, все это. — Он неопределенно махнул рукой в направлении своего таза и грудной клетки, где отсутствовали внутренние органы. — Мы — коллекционеры. Кураторы малых форм.

— Мы собираем пуговицы, — добавил Сирил более прямо, тоже приоткрыв «глаза». Его голос звучал чуть мягче. — И иногда... бусины. Если они очень круглые. И перья, но только от птиц, которые умерли своей смертью. Мы этичны.

Лира кивнула, словно в этом было полное смысла.

— Я вижу. Прекрасная коллекция. Особенно эти перламутровые. — Она указала на аккуратную кучку на одной из тряпиц.

Оба скелета замерли, затем повернули головы друг к другу. Тихий, сухой шепот:

— Она оценила перламутр, Сирил.

— Она обладает вкусом. Или тактична.

— Тактичность — это тоже форма вкуса.

Саймон повернулся к Лире. Его костяная челюсть слегка отвисла — выражение, которое, возможно, означало задумчивость.

— Вы... вы не боитесь? — спросил он прямо. — Обычно они боятся. Бегут. Кричат. Один раз один парень попытался нас... благословить. Это было очень неловко. Святая вода оставляет пятна на бархате.

Лира задумалась. Боялась ли она? Да, первый шок был. Но теперь, глядя на этих двух застенчивых существ, прячущихся в шкафу и гордящихся своей коллекцией пуговиц, страх отступал, уступая место острому, почти научному интересу.

— Я немного напугана, — призналась она честно. — Но в основном мне интересно. Как вы... стали такими? И почему в шкафу?

Скелеты переглянулись. Сирил нервно потер фалангами о фаланги.

— О, это долгая история. Связанная с... несчастным случаем в лаборатории хозяина. Очень давно. Мы были... помощниками. А потом мы стали... более легкими. И тихими. Нам понравилось. Шкаф — это уютно. Тихо. И здесь отличная акустика для... шепота. И нет мышей.

— Вы боитесь мышей? — не удержалась Лира.

Оба скелета съежились, издав сухой треск.

— Ужасные твари! — воскликнул Саймон, и его голос на миг потерял скрипучесть, став почти писклявым от ужаса. — Они скрипят! И шуршат! И у них... у них глазки! И они могут заползти в грудную клетку и грызть... ну, в общем, они могут грызть!

— У нас нет мышей, — успокаивающе сказал Сирил, больше себе, чем Лире. — Хозяин обеспечивает... защиту. Но протокол есть. Всегда стучать по полу, прежде чем войти в шкаф. Чтобы предупредить. На всякий случай.

Лира с трудом подавила улыбку. Два скелета, бывшие помощники некроманта, коллекционеры пуговиц, панически боятся несуществующих мышей. Это было так нелепо, что становилось трогательным.

— Я буду стучать, — пообещала она торжественно. — А теперь... можно я протру пыль? Я буду очень осторожна с вашей коллекцией.

Скелеты снова переглянулись, провели тихую, стремительную консультацию шепотом и скрипом.

— Допускается, — величественно произнес Саймон. — Но под вашу личную ответственность. И... если увидите пуговицу на полу, любую, даже самую простую... вы нам отдадите?

— Конечно, — кивнула Лира.

— Тогда входите. Но не делайте резких движений. И, пожалуйста, не дышите на перламутр. От влаги он тускнеет.

Лира осторожно приступила к уборке. Она вытирала пыль с полок, обходя миниатюрные выставки пуговиц. Скелеты сидели неподвижно, но следили за каждым ее движением, огоньки в глазницах трепетали от волнения. Когда она протирала полку рядом с их «шедеврами» — крупными, резными пуговицами из темного дерева — Сирил не выдержал и проскрипел:

— Это... это работы мастера Генри из деревни У Леса. Пропал без вести в семьсот пятьдесят четвертом году. Последняя партия. Уникальные.

Лира с уважением кивнула. Она чувствовала себя не экономкой, а гостьей в крошечном, очень специализированном музее.

Закончив уборку в самом шкафу (она даже подмела пол веничком из перьев, что привело скелетов в полный восторг), она отступила.

— Спасибо, что позволили. Ваша коллекция действительно впечатляет.

Саймон выпрямился, поправил несуществующий жилет.

— Мы... ценим признание. Вы можете приходить. В любое время. Но... стучите.

— И приносите пуговицы, — добавил Сирил, затем, будто спохватившись, понизил скрип: — Если не сложно. Пожалуйста.

Лира улыбнулась им по-настоящему.

— Обязательно. Меня, кстати, зовут Лира.

— Мы знаем, — сказал Саймон. — Дом знает. Он... шепчет. Спокойного дня, Лира. И осторожнее на лестнице в западном крыле. Там третья ступенька скрипит... неестественно.

Лира вышла из гардеробной, закрыв за собой дверь в комнату, но оставив шкаф приоткрытым, как было. Она чувствовала себя странно — не так, как после встречи с призраками на кухне. Те были эхом прошлого, ярким, но безличным. А Саймон и Сирил... они были личностями. Пусть и состоящими из костей и страхов. У них были имена, увлечения, фобии. Они были частью дома, но не просто его фоном. Они были его обитателями. Со своими правилами и протоколами.

Весь остаток дня, протирая пыль в других комнатах, она думала о них. О двух застенчивых скелетах в шкафу, которые больше всего на свете боялись мышей и ценили перламутр. В этом мрачном, ледяном поместье, под надзором хозяина, смотревшего сквозь мир, нашлись самые неожиданные и трогательные формы жизни. Или не-жизни. Что, впрочем, переставало иметь значение.

Перед сном, разбирая свои скудные вещи, она нашла в кармане старого плаща две оторвавшиеся пуговицы — простые, деревянные. Она улыбнулась, завернула их в лоскуток и на следующее утро, прежде чем начать работу, тихонько постучала в дверь гардеробной, а затем — в дверцу шкафа.

Щель открылась. Она протянула сверточек.

— Для коллекции. Если они вам подходят.

Из темноты шкафа донесся тихий, восхищенный скрип и шепот: «О, смотри, Саймон! Ручная работа! Следы резца! Это... это подарок!»

Дверца мягко закрылась. Лира услышала за ней довольное, сухое пощелкивание — скелеты, наверное, перебирали новые приобретения.

Она шла по коридору, и на душе у нее было странно спокойно. Она нарушила негласное правило — не вступать в контакт с обитателями. Но она не нарушила духа главного правила — отсутствия брезгливости. Возможно, в этом и был ключ. Не просто игнорировать, а принимать. На своих условиях. И на их.

Выписка из дневника Элиаса Торнли, на полях трактата о морфологии грибов:

«Наблюдал сегодня колонию термитов в мертвом стволе. Они построили сложный город, систему ходов, камер, вентиляции. Ствол мертв, но они живут в нем, используют его, преобразуют под свои нужды. Они не видят в нем труп дерева. Они видят дом. Ресурс. Возможность.

Переноса аналогию: что, если иные формы разума (или псевдоразума) возникают не вопреки смерти, а на ее фундаменте? Используя остаточные структуры — кости, энергетические отпечатки, — как те термиты используют целлюлозу? Они не скорбят по дереву. Они просто живут в нем. Их цели и страхи — свои собственные, рожденные уже в этом новом состоянии. Они могут бояться того, что не угрожает их физической оболочке (ибо ее нет в привычном смысле), но угрожает их хрупкому, новому миру — миру коллекций, ритуалов, тишины.

Возможно, самая большая ошибка — приписывать им мотивы живых. Или мотивы монстров. У них — свои. И понять их можно, только забыв о том, чем они должны быть, и увидев то, чем они стали.»

Лира, сама того не ведая, сделала именно это. Она увидела не скелеты, а Саймона и Сирила. И этим, возможно, заслужила нечто большее, чем просто терпимость, — зачаток доверия в этом доме, построенном на фундаменте смерти и одиночества.

Глава 8

Приказы в поместье Чернолесье передавались необычными путями. На третий день своей службы Лира обнаружила на кухонном столе, рядом с глиняной миской для завтрака, не записку, а... витиевато сложенный кленовый лист. Он был старым, сухим, с кружевными про-рехами от времени, но сложен с такой геометрической точностью, что напоминал диковинный конверт. Внутри, на обрывке пожелтевшей бумаги, написанной чернилами цвета ржавчины, было всего три слова: «ЧЕРДАК. ПЫЛЬ. ОСТОРОЖНО.»

Подпись отсутствовала, но по какому-то наитию Лира поняла: это не от Каэла. Его послания (будь они вообще) были бы выжжены на камне или процарапаны льдом. Это было от кого-то другого. И слово «ОСТОРОЖНО» читалось не как предупреждение об опасности, а скорее как деликатный совет — «осторожно, не испугайтесь» или «осторожно, там хрупкое».

Заручившись одобрением миссис Баттерсби («А, это от Барнаби! Милейшая душа, хоть и вечно что-то теряет. Скатертью дорога, милая, и захватите с собой веник — он обожает, когда подметают под его... э-э-э... рабочим столом»), Лира отправилась на поиски чердака.

Путь лежал через сердце дома — центральный холл с огромной, никогда не топящейся каминной плитой, и вверх по узкой, винтовой лестнице, которая скрипела на каждые пол-оборота, причем каждый скрип звучал на разной ноте, как расстроенный клавесин. Лестница заканчивалась маленькой, кривоватой дверью из некрашенных досок, подпертой снаружи камнем. Камень, однако, лишь имитировал преграду — стоило к нему прикоснуться, как он откатился в сторону с легким шорохом, явно приглашая войти.

Лира отворила дверь и замерла.

Чердак поместья Чернолесье не был темным, запыленным складом хлама. Он был... обжитым. Огромное пространство под остроконечной крышей было залито странным, рассеянным светом, проникавшим сквозь слуховые окна, затянутые не паутиной, а тончайшей, серебристой тканью, похожей на крылья моли. Воздух пах старым деревом, сухими травами и чем-то еще — сладковатым, как забродившие фрукты, и острым, как чернильные орехи.

Весь чердак представлял собой лабиринт из стеллажей, этажерок, сундуков и просто аккуратных груд вещей. Но это не был беспорядок. Это была тщательно организованная коллекция. На одних полках в строгом порядке стояли банки с образцами почвы, подписанные изящным почерком (она узнала почерк отца на некоторых этикетках — видимо, Каэл приобрел часть его коллекции). На других — ряды черепов мелких животных: лис, барсуков, сов, каждый увенчанный крошечной, засушенной короной из плюща или цветком. Были полки с книгами в разложившихся переплетах, стопки географических карт с нанесенными маршрутами в «Нигде», коллекция странных музыкальных инструментов, струны которых были сделаны из сухожилий, а декор — из инкрустированных зубов.

А еще там были сонеты. Они висели в воздухе.

Десятки, сотни листков бумаги, приколотых к балкам невидимыми булавками или просто парящих в слабых потоках воздуха, которые, казалось, целенаправленно циркулировали под крышей. На каждом был написан стих. Короткий, длинный, законченный или оборванный на полуслове. Чернила были разными: черные, коричневые, багровые, даже серебристые, светящиеся в полумраке.

В центре этого царства поэзии и пыли, за массивным письменным столом, сколоченным из грубых досок, сидел хозяин чердака.

Сначала Лира подумала, что это еще один скелет, но тут же поняла свою ошибку. На стуле восседал зомби. Но в отличие от гротескных существ из страшных сказок, он был... опрятным. На нем был поношенный, но чистый и идеально отглаженный фрак викторианской эпохи, белая рубашка с высоким, хотя и слегка надорванным воротником, и даже галстук-бабочка,

криво, но старательно завязанный. Его кожа была цвета старого пергамента, сухой и плотно обтягивающей кости, кое-где прорванной, обнажая желтоватую кость или темное, высохшее волокно мышц. Волосы, когда-то темные, теперь редкие и сухие, были зачесаны набок. Но самая выразительная деталь — его челюсть. Она действительно отвисла с левой стороны, держась на нескольких упрямых сухожилиях, что придавало его лицу вечное выражение немого, вежливого удивления.

Он не заметил ее сразу. Он был погружен в творческий процесс. Костяной, с облупившимся лаком, палец его правой руки медленно, с трудом, но с невероятной точностью выводил на пергаменте строки темно-синих чернил. Левая рука, лишенная двух пальцев, придерживала лист. Он что-то бормотал себе под нос, и звук выходил сиплым, шипящим, с влажным придыханием из-за неплотно сомкнутой челюсти:

«...Твой взгляд, как иней на стекле времен,

Моих надежд рисует кружева...

Но эхом в ветхем покое он

Растает, жизнь отказывая вправо...

Хм. „Отказывая вправо“... слабовато. Слишком прямо. „Растает, не оставив и права“?..»

Он отложил перо и с легким стоном (который скорее походил на скрип двери) потянулся. Именно тогда его пустые глазницы, в глубине которых тлели две крошечные, тусклые искорки, наткнулись на фигуру в дверном проеме.

— О! — издал он звук, похожий на всплеск грязи. Он не вскочил — его движения были медленными, осторожными, будто он боялся рассыпаться. Но он поправил галстук-бабочку и сделал нечто среднее между кивком и поклоном, сидя на месте. — Прошу прощения за мою неподобающую невнимательность, сударыня. Гости — редкость в моем... э-э-э... литературном убежище. Вы, должно быть, новая экономка. Мисс Лира. Дом шептал. Я — Барнаби. К вашим услугам. В меру... э-э-э... физических возможностей.

Его речь была поразительной. Несмотря на хрипы и шипение, интонации были безупречно аристократическими, предложения строились сложно и витиевато. Это был голос дворецкого из лучших домов, застрявший в теле, которое давно должно было превратиться в прах.

Лира, замороженная, сделала шаг вперед.

— Здравствуйте, Барнаби. Мне поручено... убратся здесь.

— Ах, да! Пыль! — Барнаби махнул рукой, и один из суставов издал громкий щелчок. — Вечный спутник памяти и старых бумаг. Будьте так добры, не трогайте листы на восточной балке. Это... э-э-э... ранний период. Очень сентиментальный. И несколько грамматически ущербный. Стыдно.

Он поднялся с огромным усилием. Его ноги стибались неестественно, но он держался с достоинством умирающего, но не сломленного монарха. Лира заметила, что к его правой лодыжке была привязана тонкая серебряная цепочка, которая терялась в тени под столом. Несвобода? Или что-то иное?

— Вы... вы пишете стихи? — спросила она, начиная подметать пол у входа, стараясь не поднимать туч пыли.

— Пишу, сударыня. Сочиняю. Вернее, пытаюсь ухватить остатки... э-э-э... мелодии, что еще бродит в этих старых покоех. И в моей собственной... гм... усохшей черепной коробке. — Он постучал костяным пальцем по своему лбу, издав глухой стук. — Это помогает. Процесс. Чернила, бумага, поиск нужного эпитета... Это напоминает мне, что я когда-то мог делать нечто большее, чем просто... ходить и скрипеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.